

Оторвав взгляд от монитора, Марина устало посмотрела в окно.

Залитый солнцем город утопал в ярком летнем цветении.

Горделиво раскинув широкие резные листья, вдоль улицы выстроились пышные ряды каштанов. Маленькие изящные клумбы пестрели разноцветными красками. Казалось, улице наполнял головокружительный, восторженный праздник лета, праздник солнца, тепла и счастья.

В разноцветных шортах и коротеньких, не прикрывающих пупок топах по скверу прогуливались молоденькие длинноногие девчонки. Умостившись на скамейке и покрыв головы смешными шляпками-панамками, на солнышке грелись худощавые седоволосые старушки. Радуясь жизни, вокруг фонтана с безудержными криками восторга носились маленькие беззаботные ребятишки. Умиляясь драгоценным чадам, за ними бегали суетливые, взволнованные мамы.

Тяжело вздохнув, Марина отвела взгляд от окна и посмотрела на маленькую фотографию, стоящую на столе. На ней весело улыбался белокурый голубоглазый мальчуган. Большие озорные глаза, добрая беззубая улыбка.

— Солнышко мое, мы обязательно будем вместе. Я обещаю тебе! — с болью произнесла женщина и сжала губы.

За дверью слышались чьи-то тяжелые, уверенные шаги.

Марина выпрямила спину и нервно напряглась. Она знала: так ходит только шеф.

Через мгновение двери распахнулись, и в кабинет стремительно вошел Теофилин.

— Марина Леонидовна, — наигранно насупив брови, закричал шеф, меряя кабинет огромными широкими шагами, — это что за отчет?! Я понимаю, что в стране кризис! Но почему он должен влиять на нас? Почему данные департамента оценки бизнеса демонстрируют такие низкие показатели?

В темном, не по сезону теплом костюме, немного покрасневший и порядком взволнованный, размахивая руками и бурча, шеф чем-то смахивал на глухаря, кружащего на току.

С трудом сдерживая улыбку, Марина внимательно посмотрела на своего начальника.

— Игорь Николаевич, вы же сами сказали: в стране кризис. Наши клиенты становятся экономнее. Соответственно, падает спрос и на наши услуги. А в отчете, сами понимаете, я отображаю реальную картину, — вежливо произнесла она и мило улыбнулась.

Лучше бы она этого не делала.

— Картину, говорите? — ухмыльнулся Теофилин, резко сменив выражение лица. Теперь он стал похож на блаженного, созерцающего святой лик. Тяжело вздохнув, он подошел к столу и пристально посмотрел на нее. — Картина у нас одна, Мариночка. Это вы!

Его маленькие бесцветные глазки-пуговики лукаво забегали по ее лицу, бесцеремонно опустились вниз и тупо застыли на том элегантном месте, где заканчивается декольте. Дыхание начальника стало прерывистым и тяжелым.

Резко встав, Марина одернула юбку и пристально посмотрела на шефа.

Невысокого роста, лысоватый и порядком растолстевший, в свои сорок семь лет он выглядел намного старше. Рано овдовевший Теофилин вместо устройства личной жизни с головой погрузился в работу. Кандидат наук, умелый управленец, пропадаящий целый день за рабочим столом, он только изредка вспоминал о том, что не так уж стар.

И все это было бы неплохо, если бы его воспоминания о возрасте не связывались напрямую с финансовым директором компании Мариной. Наверное, испорченный властью Теофилин окончательно потерялся во времени, считая восемнадцатилетнюю разницу в возрасте вполне нормальной. Личные данные и интересы им вообще не учитывались.

Не привыкший к сопротивлению, идущий по жизни только напрямик, он оставался равнодушным к мнению окружающих. Достигший в жизни всего, чего только можно желать, он давно бы преодолел и такое препятствие, как Марина. Если бы не одно «но». Игорь Николаевич не был полновластным владельцем бизнеса. Являясь исполнительным директором международной консалтинговой компании, он был напрямую зависим от ее основных инвесторов — американцев. Именно тех американцев, волею которых руководить финансами была назначена Марина Самойленко. И только это обстоятельство являлось сдерживающим фактором, который уберегал молодую женщину от сексуальных притязаний ее шефа. Иначе ее дорога имела бы лишь два направления: либо спальня начальника, либо государственная биржа занятости.

— Игорь Николаевич, думаю, что данный вопрос вам лучше обсудить с представителями маркетингового отдела, — ответила Марина и деловито подхватила папку. — Я, к сожалению, не имею возможности присоединиться к этой дискуссии. У меня назначена встреча. И, поверьте, очень много работы.

Теофилин изобразил непонятную гримасу, вытер вспотевший лоб и обреченно отступил назад.

— Знаю я вашу работу, Марина Леонидовна! Я все знаю, — тихо и немного злорадно процедил он и вышел из кабинета.

Сердце женщины тревожно сжалось. Таких откровенных намеков шеф еще никогда себе не позволял. Что он имел

в виду? Неужели он что-то знает? А может, он где-то ее видел? Тогда ей конец.

Дрожащей рукой Марина открыла ящик стола, достала пачку сигарет и нервно закурила. По кабинету стал быстро распространяться запах табачного дыма, но она ничего не замечала. Беспорядочные мысли переполняли сознание, доводя до иступления и немого ужаса.

— Господи, за что?! — протянула Марина и тихо, словно раненый зверь, завывала.

По щекам потекли тонкие соленые ручейки слез.

Она не боялась ни боли, ни позора, ни бедности. Все это в ее жизни уже было. Пройдя сквозь муки ада, она готова была на все ради того, чтобы вернуть сына. Это было единственной целью, во имя которой она жила. Ради этого она вынуждена совершать поступки, которые унижают ее в собственных глазах, обжигают мучительным огнем и разрывают сердце.

А может, все это — только плод ее большого воображения? Может, ей показалось? Ведь вероятность того, что шеф ее где-то встречал, была весьма мала. Скорее всего, в нем просто выиграло его раздутое нереализованное «эго». Ну, сказал первое, что в голову взбрело! Попал в «десятку». Сам того не зная, подстрелил, не целясь! Он шеф. Ему все позволено! А она, глупая, взялась фантазировать.

Достав косметичку, Марина подошла к зеркалу.

Честное и объективное, оно не врало. В зеркальном отражении на нее смотрела немного грустная, но очень красивая молодая женщина. На белоснежном, с легким румянцем лице светился теплый, мягкий взгляд бездонных голубых глаз. Красивый, немного продолговатый овал лица, ровный аккуратный нос, большие чувственные губы. Густые черные волосы уложены в высокую, завернутую ракушкой прическу.

Стараясь отогнать гнетущие мысли, Марина натянуто улыбнулась, немного припудрила нос и, приняв гордую осанку, села за стол.

Однако самовнушение действовало не очень сильно. Неудачно начатый день не предвещал ничего хорошего. Что-то смутное, холодное, страшное тяжелой удавкой сжимало горло и не давало сосредоточиться. Отгоняя дурные предчувствия, Марина целиком погрузилась в работу.

А дел, и правда, предстояло немало. Впереди ее ждал отпуск. Отпуск, на который возлагались огромные надежды. Далекое и тяжелое путешествие, вернуться из которого она мечтала не с бронзовым загаром, а с сыном.

В назначенное время Марина встретила с представителями крупной промышленной компании, заключила выгодный для фирмы контракт и провела совещание. Оставалось только передать дела своему заместителю.

Валерия Андреевна Дилеева была интересной и энергичной дамой бальзаковского возраста.

Марина искренне уважала и любила эту женщину, которая была ровесницей ее матери. Придя на фирму в одно время, они вместе осваивали новое для них дело. И когда через некоторое время при рассмотрении кандидатуры финансового директора выбор пал на Марину, Валерии Андреевне, за плечами которой был немалый опыт работы, хватило мудрости принять это решение как должное.

С тех пор Валерия Андреевна стала для Марины и другом, и помощником.

Вот и сейчас, передавая дела, Марина знала, что ее ведомство в верных руках.

— Валерочка Андреевна, — Марина протянула папку и сосредоточилась. — Главное, проконтролировать расчеты по «Аверсу». Если возникнет форс-мажор, звоните, я на связи. А когда вернусь, обязательно отпущу вас на Мальту. Договорились?

— Договорились, Марина Леонидовна, договорились! Ты только, девочка моя, ни о чем не волнуйся. Главное, чтобы ты вернулась домой с сынишкой! — тихо, нараспев ответила Дилеева и нежно улыбнулась. — Я буду за вас молиться!